

Опять ты, моя узкоглазая родина,
 Полощешь в рассветных озерах зарю,
 Где я, пробираясь тяжелыми бродами,
 Дышу камышами и гнезда зорю.

Утиные гнезда в утиных осоках...
 Летящие гуси в белесый туман...
 Грачей паруса на березах высоких...
 Кормушка ондатры и ржавый капкан...

Куда мне от этого спрятаться-скрыться,
 В каком заповедном безлюдном краю?..
 И воду я вновь наливаю в корытце,
 Зерно рассыпаю и лошадь пою.

А солнце слепит так, что можно заплакать!
 А воздух такой — не устанешь дышать!
 Колесные втулки и «окать» и «акать»
 Начнут, и Гнедую уже не сдержатъ.

И снова дорога, и снова проселки...
 Размерена жизнь, как размеренный бег!
 И ветер стволами потертой двустволки
 Такое поет — не забудешь вовек...

И если печаль по отчизне привольной
 Опять подступает и душит тоска,
 Я гулкую ноту той песни двуствольной
 К строке примеряю, и дышит строка.

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, БАТЫЙ...

Который год сюда не дуют злые ветры,
Сюда идут стада — не воинская рать.
От Бийска до степей монгольских километры,
От сердца моего — всего рукой подать.

Я в горы поднимусь, я опущусь в долину,
Костер поможет мне увидеть сотни лиц.
— Встречай меня, Батый! Я тоже ем конину,
И так же пью кумыс алтайских кобылиц!

Мы больше не враги, союз наш крепко смочен
Кровавою слезой близ русских берегов.
Мой узкий глаз остер, но ножик мой заточен
Для мирного труда, не более того.

Семь прожитых веков для вечности ничто ведь,
Они ушли за край, распались в темноте,
Нам нечего делить, нам незачем злословить,
Земля уже не та и мы с тобой не те.

Отстроена Рязань — не сдвинешь, не уронишь...
И, сидя у огня, где ем твое и пью,
Я знаю: коль усну — ты мой кадык не тронешь,
И если ты уснешь, тебя я не убью.

* * *

Когда однажды старый твой берегет
Устанет жить и стрелки не сомкнутся,
Мой друг, ты не сумеешь отвернуться
От той страны, чему названья нет,
И выдохнешь: «Неужто это все?..
Как мало, Господи!..» А ведь казалось — много.
Но дети выросли, и тополь — у порога.

А солнце дальше катит колесо
По новым дням, над арками-садами,
И новый август новыми плодами,
Как в бубен, ударяет в чернозем:
«Земля, земля, ты большего достойна...»

И думается чисто и спокойно
О прошлом и грядущем. Обо всем.

Не присягал ни волку, ни царевне,
Центральный гроб не оросил слезой.
Что мне Москва, когда в моей деревне
У деда Сашки дом сожгло грозой.

Что с этим горем съездовские страсти?
Мы знали и почище егерей?..
В моем краю все реже слышно «здрасьте»,
И нищих прогоняют от дверей.

А будущее... Все в одной примете:
В колодце воду достают вожжой! —
Коней свели, а цепь украли дети,
Обкуренные мертвой анашой.

Мне так их жаль. Москву не жаль, заразу,
С ее Кремлем, похожим на печать,
Или перчатку, что таит проказу:
И мерзнет кисть, и страшно надевать.

Ну, что же, говорю, пора собираться к Богу.
Не то, чтобы боюсь, не то, чтобы взалкал.
Приму на посошок и выйду в путь-дорогу...
Подкову не нашел и клад не отыскал!

Зачем же приходил? Кого-нибудь утешил?
Подыскивал слова зачем и для кого?
Вердиктов не читал, и орденов не вешал,
И даже не убил ни одного.

А думалось-то, а! А как всего хотелось!
Что я скажу Ему, когда приду к Нему...
Приму на посошок, как присягну на смелость,
Взойду на облака и руку подниму:

— Ну как Ты допустил, на облаке сверкая,
По радугам скользя и зорями клубя,
Чтобы страна моя огромная такая
Себя распродала и пропила себя...

И загрустит Господь, и медный крест на ленте
Почистит рукавом... Высокий, в седине...
Прошу на посошок! Да пополей налейте,
Дорога далека, не протрезветь бы мне.

Дорога далека, но все равно — под Богом,
И Русь, как Бог, одна, и Бог, как Русь, один,
И боль стоит в боку, и вывернута боком
Дорога, по которой не ходил...

* * *

Страдал и говорил, умел молчать и думать,
Укладывал бетон, крошил пешнею лед,
Но с некоторых пор затих и стал угрюметь —
Когда же призовут?
Узнать бы наперед...

За пару дней, хотя б, за два часа, хотя бы,
Чтоб оставался миг уверовать: Он есть...
Откроется простор, во мраке сгинут хляби,
И ты еще не там,
Но и уже не здесь.

Слоятся облака.
Все выше, выше, выше...
А далеко внизу, на уровне червей,
В Москву спешит «Сапсан», торчат кривые крыши,
И прошлый мир не стар, и новый не новей.

О чем же говорить, печалиться о чем же?
Еще мне далеко до тихой той реки,
Но входит холодок в нутро, как сталь сквозь кожу,
И слова не сказать,
И не поднять руки.

* * *

Солонцы, солонцы...
Карагач да полынь!
Одинокая птица кружится высоко.
Солью преет земля. Ветер веет с востока
Настоявшимся духом порепанных дынь.

Нарисуй этот скудный пейзаж и владей
Тощим ханством своим, серой пылью курганов...
Одинокий калмык, да косяк лошадей,
Да курчавая пена текущих баранов —
Вот и все!

А — ковыль?
А — бегущий сайгак?
А — кочующий облак с востока на запад?
А — татарник, что змей о семи головах,
На колючих, коряво расставленных лапах?..

Вечер пахнет жарой.
Звезды ярче монет.
Луны ходят по кругу, и тоже — на запад.
Затеряется след, и отыщется след.
Век четвертый?.. шестой?..
Не узнаешь на запах!

Прошумит дикий гусь, прокричат журавли,
И опять сотни лет тишины и покоя...
Я стою, словно идол, и скульпы мои
Каменеют от ветра, мороза и зноя.

* * *

Все тусклей становилась небес бирюза,
Все темнее тревожные мысли,
И когда глаукома доела глаза,
Он купил себе краски и кисти.

Он садился к столу, он свечу выключал,
И на чистом четвертом формате
В правом верхнем углу звездный свет намечал
И светлело от звездного в хате.

И ложились мазки, и яснил его взор,
И по древним оврагам и склонам
Краски жизни текли, заполняя простор
Голубым, золотым и зеленым.

* * *

Меня убили не отравой,
Литым свинцом,
В расстрельном рву...
Порылся я в груди кровавой,
И пулю вынул, и живу.

Хожу, свинец в руке катаю...
Не зарастает боль, жива.
Открою грудь и наблюдаю,
Как с кровью капают слова.

Течет песок, седеют брови,
В глазах не свет стоит — печаль.
Не жалко слов, не жалко крови,
Себя, убитого, не жаль,

Ни хомутов и ни постромок.
Все это прах, зола... Ничто...
Мне только жаль тебя, потомок,
За той рекой. Лет через сто.

Здесь полынь, да ковыль, да разбоя следы.
Побелевшие кости под злыми лучами.
Над арабскою вязью курганной плиты
Кружит коршун, и совы хохочут ночами.

Глаз прищурь и смотри, как сквозь воздух степной
Караваны проходят, гремя бубенцами,
Вырастают вдали минареты с дворцами —
Эту сказку играет расплавленный зной.

Здесь не ходит овца и не ходит пастух,
Чертит небо стервятник косыми кругами,
Здесь сарматскою удалью воздух напух
И завязаны тропы тугими узлами.

Край высокого солнца и солончака!
Лишь порой после душной грозы, на рассвете,
Тонконогая тень пронесет седока
Из четвертого века в шестое столетье.

Не от тех ли далеких кровей он, о ком
Над курганною вязью гадают потомки,
И седая волчица, смахнув языком
Синь вечерней плиты, глухо воев в потемки?

* * *

Я вижу за поверьями, во времени, в веках
Моя Россия древняя стоит с крестом в руках.

Могучая, великая, раздольна и вольна,
Икон святыми ликами от бед защищена.

За то, что кротость выбрала, и чашу приняла,
Ей не осталось выбора, как ставить на орла,

Что маховыми перьями пророчит высоту.
И в эти крылья верю я не меньше, чем кресту.

* * *

Так и живу — люблю, работаю,
Пишу свои черновики,
Смотрю на зори над болотами,
На белый бакен средь реки.

Хожу на птицу королевскую —
Проворных серых дупелей,
Со всеми грязь топчу библейскую
На тихой улице моей.
Латаю крышу, ставни делаю,
Вбиваю гвозди топором,
И ежегодно в ночи белые
Хочу покинуть этот дом
С его укладом и окладом —
Забыть бы все, прикрыть глаза,
К реке спуститься тихим садом,
Глаза открыть... и паруса!
И чайка за кормой летает,
И серая кипит вода,
И я под парусом не знаю —
Зачем пришел, плыву куда?